

Наталья Симисинова

Пятьдесят восьмой день февраля

Отрывок из повести

История эта началась в Городе. Дело в том, что таких городов больше нет на свете. Что-то невыразимое присутствовало в его почве и в морском побережье, окаймлявшем его... и в людях. Город был заложен двести лет назад на берегу прелестной черноморской гавани. Кажущийся маленьким, памятник его основателю стоял у истока одной из самых красивых лестниц в мире и простирали руку в безбрежную морскую синь. Если поначалу Дюк – так по-домашнему звали его горожане – Арман дю Плесси герцог де Ришелье еще лет сто назад гулял ночами по городу (Алиса была в этом абсолютно уверена), то теперь перестал это делать категорически – у него начинало болеть в середине бронзовой груди, когда он видел, во что превращается его Город. Так похожий немножко на Париж, немножко на Питер, немножко на Лондон.

Все лучшие города мира имеют одну особенность – они завораживают и притягивают. По ним можно бродить в юности до рассвета. В них столько закоулков, неожиданных откровений, столько драгоценностей, разбросанных то здесь, то там. Столько лестниц, тупичков, подарков – вот вдруг башенка открылась в неожиданном ракурсе, или старинные вензеля проступили в подъезде. А после дождя так славно заглядывать в лужи – рассматривая дома и ажурные решетки, отражающиеся в них. Планировка города была проста до гениальности – с высоты птичьего полета это было хорошо видно: все улицы были прямые и вели к морю. Еще с высоты очень хорошо просматривались кварталы, переулки, а самое важное – дворы. Дворы были самой важной составляющей. Город так и задумывался. Хотя фасады тоже были хороши. Разноцветные, с лепкой, скульптурами, мозаикой, огромными окнами.

Но дворы – это основное. Во дворах люди рождались, жили, умирали. Двор был маленьким сообществом, которое помогало выжить. Все свадьбы совершались всем двором. Хозяйки готовили угощение и несли его на общий стол, раскинувшийся под обязательным тополем. Танцы продолжались до утра. А если хоронили кого-то, то тоже всем двором. Все ехали на кладбище. Все помогали с поминками. Все долго сидели потом во дворе с родными, разговаривали, вспоминали ушедшего, чья жизнь прошла вот здесь и была у всех как на ладони. Двор отмечал первое красивое платье и первое свидание. Видел первую измену. Слышал все ссоры и все примирения. Из двора родился одесский характер – веселый, общительный, ругливый, но не злой, и абсолютно не жадный. Во дворе всегда можно было одолжить до зарплаты. Двор всегда мог накормить твоего ребенка, если ты задерживалась на работе. Да что там накормить – двор мог сделать уроки и уложить ребенка спать, если ты оказывалась нерадивой мамой и немножко загуляла. Сейчас поняла – двор был своеобразным аналогом деревни, суть та же: коллективное сообщество людей, которое все про тебя знало, помнило твоих отцов и дедов, могло накормить или дать подзатыльник, помочь дожить до зарплаты, разделить беду и радость. А главное – двор вовремя давал оценку твоим поступкам. Что помогало тебе оставаться человеком. Тетки, лузгавшие по вечерам на табуретках семечки в центре двора под тополем, были равны деревенским старикам на завалинках. От их внимательного взора ничего не ускользало.

Чуть-чуть не забыла. Если продолжить об одесском характере, то, несомненно, на него повлияло море. Причем самым неожиданным образом. Волны разбивались о берег. Из этого родился когда-то гекзаметр. «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына». И одесский характер. Это доказывал Алисе один полусумасшедший профессор-эколог: волны разбивались о берег на мириады брызг с отрицательно заряженными ионами. Они проникали в кровь. Одесситы не только купались в море. Они дышали постоянно воздухом, перенасыщенным ионами. Ионы бурлили в крови и будоражили ее. От этой химии возникало ощущение радости жизни. Одесситы ходили хмельные от морских брызг. Хмельные и веселые.

А если добавить к тому еще, что среди первопоселенцев были пираты и беглые каторжники, да прибавить сложное смешение кровей: итальянской, французской, еврейской, русской, мало-российской, арнаутской, молдавской, – то такой коктейль получается... Одним словом: туши свет, кидай гранаты. Но не бойтесь, мы не будем делать на этом акцент. У нас совсем другая тема.

...У Алисы не было денег на путешествия, и она путешествовала виртуально. Например, рассматривала Париж, по спутниковой карте наводила мышку, приближала кварталы, дома, улицы и переулки. Как-то ей попался фильм Вуди Аллена «Полночь в Париже». Она столько раз пересматривала его ради города! Ей уже был неинтересен сюжет и диалоги. Но вот начинается на Елисейских Полях дождь, и прохожие прячутся под зонтами или забегают в кафе. Вот дождь закончился – и вновь веселая разноцветная толпа спешит по улицам. Куда спешат они, к кому? Как хотелось бы ей узнать это... Пожить немножко, хоть чуточку, в этом городе. Но только чтоб знать язык. Сидеть и слушать, о чем говорят старушки и воркуют влюбленные пары. Она пересматривала фильм несколько дней. Часами.

Потом в Интернете разглядывала чужие города. Нью-Йорк ей не нравился ни на фотографиях, ни в кино. Она не смогла бы жить в небоскребе: у нее была сильнейшая клаустрофобия – значит, в лифт не зайти. Она вообще не любила высокие дома. Ее Город постепенно захватывали элитные многоэтажки. Это противоречило задумке великих первостроителей: строить дома не выше четырех-пяти этажей. Все улицы и дворы должны были в равной мере «простреливаться» солнцем и продуваться морскими и степными ветрами. Высотные дома в принципе противны человеческой природе: они подавляют и разобщают – как-то ей объяснил знакомый архитектор. Они меняют психику человека. Теперь она никогда-никогда весной не пойдет гулять в Аркадию – это такое место в Городе, где были бульвар и пляж – один из первых городских, где прогуливались когда-то очаровательные дамы с кружевными зонтиками и в умопомрачительных шляпках, их прогулки запечатлелись на гравюрах и старых фотографиях. Тут, несомненно, гулял Пушкин, и Бунин перед бегством из города приезжал сюда. Теперь перед Аркадией и вокруг, со всех

сторон, были натыканы огромные стеклянные башни. Они жестко разрезали пространство, закрывая видимую прежде отовсюду бескрайнюю синь, нависали со всех сторон над дорогой, ведущей к морю и прекрасному пляжу, столь любимому жителями и приезжими. Теперь бездумно и счастливо, как раньше, бродить по испорченному берегу стало невозможным. Стекла тускло пялились, башни утыкались в небо – хотелось взять и взорвать все это к едрене фене.

Пятиэтажки тоже были ненавидимы ею – за нищету и убожество. Она не жила в своей квартире – она отбывала в ней срок. Потому-то, как только к ней в руки попал ключ от чердачного люка, основное время своей жизни она стала проводить на крыше. Вот и сейчас она сидела с ноутбуком в пляжном парусиновом кресле и рассматривала фотографии Лондона. Вокруг нее раскинулись дотянувшиеся до пятого этажа акации и липы. И она сидела под их сенью, скрытая от всего остального мира. Лондон на фотографиях восхищал ее, как картины старых мастеров. Величием и мрачностью. Мрачность прочитывалась даже сквозь растиражированные бессчетное количество раз мегабайты. Особенно ее потрясала Темза – темная глубокая вода в окружении огромных стеклянных зданий. Это было красиво. Значит, можно было найти равновесное сочетание старины и современности. Нужно было просто делать это с любовью и ответственностью. В воображении (после Джерома) Темза ей почему-то представлялась не очень широкой рекой, вольно текущей среди сочных зеленых лугов.

Она понимала, что никогда-никогда-никогда не увидит ни Париж, ни Лондон. Как и большинство ее соотечественников. Раньше был железный, сегодня – финансовый занавес: у каждого второго украинца финансы пели романсы. Да что там Лондон? Почти у всех жизненные пространства сузились до размеров родного города или села. И это было стопроцентной правдой – она сама уже лет десять никуда не выезжала и все свободное время проводила в сельском домике за городом. Денег среднему украинцу хватало только на коммунальные услуги, дешевую еду и простейшие лекарства. А может быть, точно так же обстояли дела у простого мексиканца или пуэрториканца?.. Не говоря уже

об индусах, китайцах, боливийцах, конголезцах. Незримо, на кошачьих лапках, не афишируя, на мир наступал золотой миллиард. А все остальные – шушера, полулюди, уходящая натура, отживающий материал.

...Но начала Алиса так романтично. С мыслью о Городе, в котором жила.

Город этот все еще был прекрасен. Алиса любила и с большим удовольствием водила по нему своих гостей. Например, недавно приезжали дальние родственники – москвичи. Алиса знала, что надо показывать. От вокзала – пешком обязательно по Пушкинской. Летом она практически совершенна. Царство платанов до крыш скрывало все изъяны фасадов. Не по Ришельевской – та безалаберна в начале. И не дай Бог по Екатерининской – она ужасна возле Привоза: лотки с дешевыми шмутками, грязь, мусор, толпа, люди, путающиеся под ногами, несмолкающий шум и заплеванность.

Нет, только по Пушкинской. Не торопясь. Рассматривая дома. Обратите внимание на фасады – они все разного цвета: оливковые, ярко-желтые, синие, розовые с белыми переплетами окон. Заглядывая хоть мельком почти в каждый двор, чтоб показать несведущему человеку – обратите внимание, все дворики разные, ни один не похож на другой. Как лица людей. Все разные, и в каждом – свой уют. А если пройти по длинному в толщину здания подъезду от ворот внутрь – так сразу же и тишина наступит. Словно нет шумящего большого города.

И в каждом дворе свое устройство. Все по-другому. В предыдущем были веранды, вернее, то, что от них осталось. И приходится объяснять, что такое «одесские веранды» и для чего они. Что раньше они были деревянные и открытые, и на них стояли вначале примусы, потом керогазы и керосинки. И варились борщи, компоты, жарились синенькие или пирожки. Все запахи разносились по двору, перемешивались, и получался ни на что не похожий одесский парфюм, который собирался в большие облака и разлетался над Городом. Клянусь, уже подъезжая к Одессе в детстве, где-нибудь в Кодыме высовывая голову в окно, я чуяла все эти вкусности. А когда сидела на своей части веранды, получалось, что завтракаешь, обедаешь и ужинаешь летом со всем

двором. И как тут не угостить соседа и не похвастаться жареной барабулькой или варениками с вишнями!

Они шли по Пушкинской, она затаскивала гостей в очередной двор и, захлебываясь от гордости, показывала им старый каменный колодец, вернее, то, что от него осталось. Или черные плиты, устилавшие двор: «Они были привезены из Италии в XVIII веке», – кричала она с гордостью. Алиса провела их во дворик, где жил Пушкин, и они прошли три двора, соединенных переходами, и остановились в последнем, упершись в стенку полуразрушенной фабрики. Здесь было совсем тихо. И сбоку у стены росла маленькая рощица каких-то странных остролистных деревьев, а с другого бока был дом следующего двора, и выходили окна. И какая-то маленькая странная лестничка вела куда-то. В какую-то тайну, быть может. К какой-то двери. Которая могла привести Бог знает куда. В Алисином дворе тоже была такая дверь. Она была всегда закрыта. И кто-то, может, тот же самый Гунька, придумал в пять лет, что она ведет в Америку. Надо только поднатужиться и открыть ее. А там дальше – длинный и черный тоннель, по которому придется идти много месяцев, а может, и лет. И вдруг – бац! – и мы в Америке!..

Но про это она не стала рассказывать гостям из Москвы, а то подумают, что совсем дурочка. И так чересчур эмоциональна. И так заставила пересчитать всех дракончиков в итальянском дворике под филармонией. И их, как всегда, оказалось шестнадцать. И заволокла их на Дерибасовскую в третий номер, где в центре двора почему-то стоял памятник основателю эсперанто Заменгофу. Почему? Вдруг? В одесском дворе?.. А потом потащила их на Екатерининскую, чтоб увидели мозаику на фронтоне углового дома. А потом на Княжескую, где когда-то жил Бунин. А потом – бегом – на Базарную: вон окошки на втором этаже – это квартира Катаевых.

Тем временем на Город, как всегда, внезапно упала южная ночь. Прекрасная и теплая. И нужно было просто тихо постоять на Тещинском мосту и посмотреть по очереди то в одну, то в другую сторону. На море, темное, все в дрожащих огнях. На крыши Военного спуска, которые в любую погоду сами по себе были прекрасны.

Вот только наглые и тупые стеклянные многоэтажки не должны были попадать в поле зрения. Потому что они все портили. Помните, бал и милая Золушка в скромном изящном белом платье? А вокруг – толстые матроны в фижмах, бантиках и оборочках. И наряды все густо-фиолетово-красно-зеленые, да еще в полосочку. Лица напудренные с вульгарно подведенными бровями. Вот так и эти напыщенные башни. Глаза бы их не видели.

...Потому что если говорить чистую правду, то Город, конечно же, умирал. Он умирал гордо, молча. Великолепные когда-то дома, выстроенные из ракушняка, ветшали. Подвалы были переполнены водой. Отваливались балконы, эркеры, башенки. Городу нужна была скорая помощь. Но в городе царил дикий капитализм, которому на все это было наплевать.

Про Рыбина

...А, это было в самом начале. Когда Алиса еще тыкалась, как слепой котенок. Так, например, к ней на передачу пришел очередной герой, Петр Рыбин – симпатяга, большой мужик с добрым круглым лицом, огромными руками и ногами, и стал рассказывать про себя: бывший офицер, преподавал в военном училище, когда начался Афган, и стали приходиться гробы с его ребятами, он выступил на партсобрании против политики партии и правительства. Его уволили без пенсии. Отправили на кислород. Но к тому времени он заочно закончил «грековку» и стал продавать свои работы. Его спасли перестройка и развал страны. Сейчас живет в сельском районе, занимается живописью и небольшой коммерцией. Но перешел дорожку в бизнесе бывшему ментовскому начальнику и его свояку. Они пришли к нему в офис и попытались «наехать», забрать какие-то уставные документы. Он спустил их с лестницы.

А через полгода мент подал на него в суд за нанесение тяжких увечий. Рыбин думал, что эта хренотень гроша ломаного не стоит. Но не тут то было. Прошло три года, и его затаскали по судам, и уже грозит ему ни много ни мало пять лет. Последний раз он пришел к Алисе за советом совершенно замученный.

Завтра очередное судебное заседание, но ни его, ни адвоката не пускают в зал заседаний. Хотят сварганить дело, как варганят они сейчас все.

Алиса очень-очень сильно разозлилась. Она прямо-таки увидела эту гадкую судебскую – толстую тетку, неряшливо покрашенную в блондинистый цвет.

– Так, Петр Анатольевич, завтра встречаемся в суде, – сказала она сурово.

– Так не пустят же.

– Пусть только попробуют.

И в лучшие времена ее порой трудно было остановить в журналистском рвении отстаивать правду. Поэтому у нее, такой изящной хрупкой рыжеволосой женщины, до сих пор немало недругов среди богачей, выросших из комсомольской элиты.

Возможно, это у Алисы в генах, от деда – бывшего кавалериста, чекиста и делегата Третьего съезда комсомола.

Как бы там ни было, но утром они с Рыбиным и оператором уже стояли перед занюханной дверью райсуда. Алиса пнула ее очень зло хорошенькой босоножкой. Большой Рыбин неловко топтался сзади.

– Вы кто?

– Телевидение.

– Заседание закрытое.

– А вы попробуйте нас выставить, – сказала она и поставила босоножку в дверь. – Сережа, снимай все.

Плохо крашеную блондинку она увидела сразу. И заглянула ей прямо в душу. Если только это маленькое серенькое и занюханное облачко можно было назвать «душой». Алиса легко читала в ней, как в раскрытой книге. Даже номера банкнот увидела. Тех, которые мент с кумом передали. И сумма-то смешная – две тысячи баксов. Главное, та каким-то образом поняла, что Алиса бесцеремонно копается в ее внутренностях. Вся жизнь прочиталась: даже недавний вечер в ресторане, то ли свадьба, то ли корпоративчик, на котором тетка с пьяным растрепанным лицом смешно кричала в караоке: «А он мне нрави-и-ится, нрави-и-ится, нрави-и-ится», – и ногой с толстой щиколоткой притоптывала, а потом отвратительно быстрый и потный секс с каким-то му-

жиком – стоя, в кабинке туалета. «Фу, какой некрасивый секс», – подумала Алиса.

Тетка же нутром почуяла, что рыжая журналистка все про нее знает. Про баксы, про секс в туалете. И еще она поняла, что шутки плохи. И что ни закрыть заседание, ни сказать больно она не может.

– Суд вынес решение, – обиженным голосом произнесла она, – оправдать гражданина Рыбина Петра Анатольевича и прекратить судебное дело в отношении его.

Дальше все было уже неинтересно. Алиса потянула обалдевшего Рыбина за рукав. Они вышли на улицу. Шел теплый, кажется, первый весенний дождик. Пахло мокрыми ветками и настойчиво пробивающимся из аравийской пустыни теплом. Рыбин смотрел на мир ошалело. Жизнь, по сути, если не вдаваться в некоторые подробности, была прекрасна.

Конечно, после этой первой и такой легкой победы над мелкими представителями отечественной Фемиды Алисе тотчас захотелось подвигов. Что она и начала совершать.

...И полетели со своих насиженных мест прокуроры и судьи, и начали лихорадочно и с бешеной скоростью пересматриваться все дела по всему городу, и освобождаться невинно осужденные. А мажоры, напротив, загоняться в камеры – пусть посидают пока и вкусят. (Мажор – для тех, кто не знает, – чадо высокопоставленного лица или просто богача, для которого закон не писан, – например, он может сбить насмерть на переходе человека, и ничего ему за это не будет.) И правозащитник и бессребреник Шаравский, которого до того многие считали городским сумасшедшим, стал главным наперсником в этих делах. С восторгом воспринял он ее неограниченные способности. С восторгом и ужасом. И столько славных дел они понаделывали с ним за короткое время, что до сих пор душа радуется. Но это была тайна, тайна, тайна. О которой пока знали только она и Шаравский. Потому что произошло это очень быстро – за считанные дни. А может, часы. Потому что мотались они по адресам, подсказанным им с какой-то невероятной скоростью. Алиса не могла теперь вспомнить, как, например, они добирались до городского прокурора, почему их впустили в кабинет, что происходило дальше. Как проходили многочисленные

судебные заседания. Почему то в Котовске, то в Одессе. Или одновременно в нескольких местах?.. А потом вдруг время как бы споткнулось. И они, практически обессиленные, обнаружили себя в его крошечной «Таврии», которая их куда-то везла. При этом страшно хотелось есть. Не есть, а жрать. И они забежали в «Макдональдс», обнаружившийся на дороге. И трясушимися руками хватали все подряд.

А потом Шаравский повез Алису к себе домой, где она никогда еще не была. Чтобы она что-то увидела и сама приняла решение.

Дело в том, что его младшенькая Сашенька была аутистка. Она могла часами сидеть и смотреть в одну точку. Бледненькая маленькая худышка. А Николай Игнатьевич стоял перед Алисой, умоляюще прижав руки к груди. Он поверил в ее абсолютное всемогущество и принял его.

Незадолго перед этим, блуждая в одиночестве по бескрайним просторам Интернета, Алиса нашла совершенно гениальную подборку выражений такой же восьмилетней аутистки. Они потрясли ее, а некоторые просто влезли в душу. Например, бабочка оказалась главной приметой летнего счастья, ветер – воздухом, который не любит покоя, игра – взаправдашней понарошностью, а музыка – песней Бога в восприятии человека.

Она смотрела на Сашеньку с ужасом, восторгом и уважением. Ведь предстояла невероятная задача – заглянуть в святая святых, в душу девочки, чтоб понять, что там происходит. И почему эта кроха так настойчиво отвергает окружающий мир.

Если бы кто взглянул сейчас мельком на веранду, то увидел бы картину маслом. На этой картине, написанной неизвестным художником, Алиса сидела в одиночестве за большим овальным столом, покрытым дешевой китайской в мелких цветах (правда, с некоторой претензией на приличность, так как в наличии имелось что-то вроде кружевной, но тоже синтетической окантовки) скатертью, и, положив руки на стол, прямо как девочка с персиками, устремляла взгляд куда-то в неизвестную ей даль. В бесконечность?

Возле нее стояла чашка из-под только что выпитого горячего чая. Голова ее была обмотана мокрым полотенцем – с утра она болела из-за повышенного внутричерепного давления, которое повышалось, как придумала Алиса, потому что где-то вдалеке

проходил циклон и сталкивался с антициклоном. И скоро погода должна была измениться – жара сменится дождем и прохладой. Это Алиса знала точно. Мозги ныли, как кости у стариков перед дождем. Мокрое полотенце почему-то помогало.

Если продолжить мысль о предчувствии дождя, то Алису давно надо было взять в бюро погоды, которое постоянно нещадно врало. Голова у Алисы не врала никогда.

Чуть позже, сопоставив многие факты, она поняла, что ее голова точно так же реагирует на большие и малые природные и не природные катаклизмы, происходившие постоянно в разных уголках планеты. На ураган «Катрин», двигавшийся к Флориде и принеший немалые разрушения и человеческие жертвы, ее голова начала реагировать ночью. Алиса проснулась в три часа с невероятной пульсирующей головной болью. Хотелось положить голову на плаху. Она крепко укутала ее холодным мокрым полотенцем и выпила таблетку ноофена. Изо всех сил попробовала уснуть. В снах ее преследовали виденья бешеного моря и желтого беззащитного песчаного берега. Накануне 11 сентября голова ее раскалывалась весь день. До мурашек перед глазами, до рвоты.

Головные боли приучили ее на следующий день просматривать новости в Интернете и вести дневник. Собственно, дневник помог выстроить таблицу. И теперь она уже понимала, что если надвигается боль, значит, в окружающем ее мире, большом, в масштабах планеты, и малом, начиная от бабушек за стенкой и кончая парламентом, начинается что-то происходить. И со всем этим надо было научиться что-то делать. Но умение пришло потом.

